Наталья Шнейдер
Проблема для некроманта 1

Некроманты Джеима

Наталья Шнейдер

Проблема для некроманта

«Автор»
2022

Шнейдер Н.

Проблема для некроманта / Н. Шнейдер — «Автор», 2022 — (Некроманты Джеима)

Когда работаешь судебным медиком, не страшно срезать путь домой через кладбище. Кто ж знал, что там притаился маньяк? Повезло: я не просто попала в другой мир, но и оказалась магом. Некромантом, но так даже интересней. Профессор, который будет меня учить, непростительно хорош собой. От его горячего взгляда у меня начинается тахикардия, но это я как-нибудь переживу. Чего я на самом деле могу не пережить — кто-то задумал извести всех некромантов города и почти добился своей цели.

© Шнейдер Н., 2022
© Автор, 2022

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 9
Глава 3 13
Глава 4 17
Глава 5 21
Глава 6 25
Глава 7 29
Конец ознакомительного фрагмента. 32

Наталья Шнейдер
Проблема для некроманта

Глава 1

Кладбище было пустым и темным, впрочем, как всегда в это время. Лунные блики прорывались сквозь ветки, садились бесформенными пятнами на покосившиеся кресты, на покрытые снегом холмики.

Мне света хватало, привыкла. Здесь я ходила каждый день, срезая путь от автобусной остановки до дома. На самом деле куда безопаснее, чем через дворы: вечерами по кладбищу шастает мало кто, а мертвые не кусаются. Да и странно было бы практикующему судмедэксперту бояться покойников.

Когда за спиной заскрипел снег под чужими ногами, я даже не испугалась. Мало ли кто точно так же решил срезать путь. Оглянулась и увидела мужской силуэт. Темный пуховик, балаклава на лице – неудивительно, мороз под тридцать. Пришлось прибавить шагу: терпеть не могу, когда дышат в спину на узкой тропинке, а сигать в сугроб, чтобы пропустить незнакомца, тоже не хотелось.

Но тот, сзади, кажется, тоже ускорился. Я снова обернулась: лунный блик засветился на лезвии ножа в руке.

От страха пересохло во рту. Очень некстати – или кстати – вспомнилось, что за последний месяц у нас в морге побывало два женских трупа с перерезанным горлом и следами полового акта. Оба привезли с улиц нашего района. Я рванула со всех ног, путаясь в полах пуховика. Еще каких-то метров десять, а там – освещенная улица, где всегда полно народа, переход и дом. Ледяной воздух обжигал горло, пульс колотился в ушах, заглушая шаги.

Я все-таки не успела: меня дернуло назад, прежде, чем я успела опомниться, жесткая рука ухватила поперек груди, что-то сдавило шею. Я рванулась – высвободиться, бежать! В первый миг показалось, что воротник пуховика и шарф защитили – ведь боли я не почувствовала, и даже вырвалась и сделала несколько шагов прежде, чем ноги подкосились, грудь скрутил кашель и перестало хватать воздуха. Неужели все? Нет, ни за что! Мало ли, что плакать по мне некому, я жить хочу! Дышать! Я попыталась отползти, но руки подогнулись, уронив меня лицом в снег, а потом наступила темнота.

Сквозь сомкнутые веки пробился свет, потускнел, словно его что-то заслонило. Я открыла глаза. Надо мной склонился мужчина. Исчезла балаклава, открыв светлые волосы с едва заметным рыжеватым отливом, цепкий взгляд серых глаз, упрямый подбородок. Мелькнула нелепая мысль – какого рожна этакий красавец подался в маньяки? Подкати он ко мне по-хорошему, я бы наверняка…

В следующий миг до меня дошло, что я каким-то чудом жива и еще не все потеряно. Я заорала так, что оглохла сама, и со всей дури врезала мужику в нос. Он отлетел, закрывая лицо руками, я вскочила, со всех ног рванула между могил.

– Стой! – гнусаво полетело в спину.

Ага, размечтался!

Я перепрыгнула некстати подвернувшуюся под ноги ветку, но та, словно сговорившись с маньяком, ухватила меня за юбку. Взмахнув руками, я со всей дури хлопнулась о землю, и нескольких мгновений, пока я восстанавливала дыхание и поднималась, мужику хватило, чтобы меня догнать.

– Да куда ты, дура! – рявкнул он, и в этот раз голос прозвучал нормально, хотя кровь из расквашенного носа текла по лицу темными струйками. И столько власти было в этом рыке, что я на миг замерла, глядя на него снизу вверх.

Он шагнул еще ближе, наваждение развеялось. Я снова подлетела, путаясь в подоле. Подол? Не джинсы? Да какая, к черту, разница, потом разберусь! Мужик потянулся, пытаясь схватить за руку – в этот раз я успела отскочить и снова помчалась между могил, радуясь, что ноги не вязнут в снегу.

Где снег? Где я? Какого?!..

Но мозг окончательно отказался думать и анализировать, оставив одну мысль – бежать. Бежать быстрее, спасаться со всех ног. Плевать, что грудь уже жжет и колет в боку. На все плевать. Бежать!

– Стой, говорю, там мертвяков полно!

Надо же, какая неожиданность: на кладбище полно мертвяков! Только ни один покойник мне столько не напакостил, как живые! И пытался угробить меня тоже не покойник. Повезло, что у него не вышло.

Или вышло? Здесь нет снега, я – в платье, а не в джинсах и пуховике. Я умерла и теперь в аду?

При этой мысли закружилась голова подкосились ноги, я споткнулась. Мужик, так его и разэтак, все же догнал, ухватил за плечо, разворачивая. От этого прикосновения меня обдало жаром, и снова очень некстати подумалось, что он как-то непростительно хорош собой для маньяка. Те обычно плюгавенькие, а этот очень даже… Или это другой мужик? В камзоле, а не в пуховике, и вроде бы выше ростом, чем тот, с ножом.

Или я все-таки в аду, и теперь мне целую вечность придется удирать от разномастных маньяков?

Я рванулась – мужик держал крепко. Попыталась ударить, но добилась лишь того, что он больно вцепился и в запястье другой руки, притянув к себе. Глаза, полные бешенства, оказались слишком близко, и я уставилась в них, словно кролик на удава. Пошатнулась и упала бы, если бы не впечаталась в мужчину всем телом. Это привело в чувство. Дожила, сама готова на маньяка кинуться! Я снова дернулась, а потом перед лицом возникло что-то, похожее на светящийся фиолетовый туман.

Мужик выругался и выпустил меня. Туман окутал мое тело, устремился к земле, расплескиваясь по могилам. А в следующий миг мне стали безразличны все маньяки на свете, потому что ближайшая могила разверзлась, и из нее воздвигся зомбак.

– Отпусти силу, дура! Хочешь, чтобы сюда вся инквизиция сбежалась? – рявкнул мужик.

Инквизиция? О чем он?

С его рук стекло такое же темно-фиолетовое пламя. Я вскрикнула – тело словно прошил разряд тока. Зомби сложился, снова превратившись в обычного не слишком свежего покойника. Только вот из соседней могилы тоже лез скелет. И еще один зомби вырос за спиной мужчины.

Я заверещала во все горло, на какое-то время вовсе перестав соображать от страха. Нет, трупов я не боюсь – нормальных трупов, которые смирно лежат себе на секционном столе или в холодильнике. Но эти-то ходят! Как-то не успела я к такому привыкнуть, это вам не суправитальные реакции[1]!

Зомби мой вопль не остановил – мертвец потянулся к горлу мужика. Тот то ли почувствовал, то ли понял по моему взгляду, устремленному за его плечо. Не разворачиваясь присел, перекатился в сторону, уходя от лап мертвяка. Еще один сгусток темного пламени – и

[1] . способность отдельных тканей и органов трупа в первые часы (до 20 часов) после смерти реагировать на различные внешние раздражители

снова меня дернуло током, правда в этот раз я заметила, как рассеивается туман, тянущийся от моего тела к зомбаку.

Это что, из-за меня они встают? Что за бред?

– Отпусти силу! – снова крикнул мужик. – Или я погашу, и самой хуже будет!

– О чем ты?

Он снова ругнулся, а в следующий миг меня не просто прошило током – а словно бросило на оголенные высоковольтные провода. Тело затрясло в судороге, я бы закричала, но дыхание тоже перехватило. А потом сознание милосердно погасло, прекратив боль.

Снова свет: яркий, электрический. Подняв ресницы, я увидела лицо все того же мужика. Дернулась, но в этот раз он был настороже, перехватил мои запястья. Его нос, к слову, уже не выглядел опухшим. Я так долго провалялась? Хотя нет, следы крови на верхней губе остались, значит, недолго.

Хотя если я в аду, а это местная нечисть, мог и сам по себе восстановиться. Правда, я чувствовала себя непозволительно живой: ныло тело, точно я умудрилась потянуть все мышцы разом, колотилось сердце, и пересохло во рту. Многовато неприятных ощущений для бесплотной души.

Но если я жива – то что вообще происходит?

– Очухалась? – не слишком вежливо поинтересовался мужчина.

Разжал пальцы – я ощутила мимолетное сожаление – выпрямился.

– Кажется, да… Нет. Не знаю.

Над его головой висела… лампочка? Шаровая молния? Яркий сгусток света. Я мотнула головой, пытаясь прогнать глюк. Глюк прогоняться отказался. Висел себе и светил не хуже нашего уличного фонаря. Даже лучше, пожалуй.

Кладбище – точнее та его часть, что попала в круг света – тоже было неправильным. Ни одного креста на холмиках могил, и памятники – не памятники, а просто камни с грубо выбитыми… буквами? Рунами? Надписями?

Я что, еще и читать разучилась?

Зажмурившись, так крепко, что глаза заболели, я попыталась воспроизвести перед внутренним взором надпись. Любую надпись, да хоть собственное имя. Буквы послушно сложились: И-н-г-а. Нет, вроде алфавит помню. Я снова открыла глаза, уставившись на ближайший надгробный камень, испещренный крокозябрами. Нет, это не я разучилась читать, это действительно незнакомый язык.

– Где?.. – простонала я.

– А на что это похоже, по-твоему, на королевский дворец? – ехидно ухмыльнулся мужик. – Другой вопрос, какого рожна тебя сюда понесло.

– Домой шла. – Я ответила прежде, чем успела сообразить, что про дом, кажется, можно больше не вспоминать. Дом остался где-то в заснеженном сибирском городе, а где я сейчас – леший его знает. Как я сюда попала? Что вообще происходит?

Или байки о переселении душ – не такие уж и байки? Да нет, не может быть!

– Ага. Домой, – все так же ехидно проговорил мужик.

Ухватив за локоть, он вздернул меня на ноги так легко, будто я вообще ничего не весила. Я попыталась вырваться, но его пальцы оказались цепкими, словно клещи, а в следующий миг я застыла, потому что через плечо упала коса.

Какая коса, я всю жизнь коротко стриглась! И волосы всегда были черными, а сейчас стали темно-каштановыми. Не веря себе, я ощупала собственное – или уже не свое? – лицо. Поди тут разбери: вроде все на месте, а мое или нет… привыкший узнавать мир на ощупь, наверное, отличил бы. А мне придется дождаться, пока в поле зрения появится хоть захудалое зеркало.

Похоже, я не только не в своем мире, но и не в своем теле. Да что же это делается? Хорошо хоть язык понимаю. Если в происходящем может быть хоть что-то хорошее.

А вдруг я все-таки на том свете? Впрочем, этот мужик не походил ни на черта, ни на ангела. Те, как известно, бесполы, а этот выглядел прямо-таки воплощением тестостеронового самца. На вид – чуть старше меня, лет тридцать пять. Высоченный, широкоплечий, девицы, наверное, гроздьями вешаются. Хотя… Интересно, он на всех женщин смотрит, как Ленин на буржуя, или только я удостоилась такой чести?

– Что, здорово тряхануло? – В голосе мужчины, однако, сочувствия не было, лишь злорадство. – Поделом.

И тут тоже «жила-была девочка – сама виновата»?

Он протащил меня несколько шагов, остановив перед расчерченным на земле кругом, покрытым незнакомыми завитушками. Внутри круга лежал обезглавленный черный петух, за пределами – окровавленный кухонный топорик и грубо сшитая тетрадь.

– Домой, значит, шла. И обронила по дороге.

– Что это? – изумилась я.

– Это у тебя надо спрашивать. – Он поднял с земли тетрадь, раскрыл и с выражением прочел: – А ежели хочешь, чтобы мужчина тебя возлюбил и не смотрел боле ни на кого, то возьми черного кочета и ступай на гробовище…

– Да вы издеваетесь?! – не выдержала я. – Я что, похожа на дуру, за мужиком бегать?

Последнего своего кавалера я выставила из квартиры полгода назад, обнаружив за диваном использованный презерватив – при том, что я сидела на таблетках. Он даже отпираться не стал, дескать, нужно было себя мужчиной почувствовать, а то рядом со мной, лошадью с яйцами, кто угодно импотентом станет. Что ж, теперь он мог чувствовать себя мужчиной сколько угодно и с кем угодно. А я окончательно решила, что от всех этих отношений больше геморроя, чем пользы. Да даже если бы не решила, приворот – допустим на минуту, что подобное существует – редкостная гадость, до которой я не опустилась бы и когда была молодой безнадежно влюбленной дурочкой.

– А что, это по-твоему признак большого ума? – Мужчина потряс тетрадью перед моим лицом. – Переписать невесть откуда невесть какой ритуал, перевранный до неузнаваемости, и потащиться на кладбище посреди ночи, когда…

– Силы зла властвуют безраздельно, – нервно хихикнула я. Надеюсь, светящаяся собака не выскочит. Хотя кто его знает, после зомбаков-то…

– Не вижу ничего смешного, – сухо произнес он. – Я едва сумел упокоить всех, кого ты подняла.

– Я? Подняла?!

Глава 2

– Ну не я же! – продолжал разоряться он. – Я, к твоему сведению, по ночам предпочитаю спать, а не бегать по кладбищам за чокнутыми девицами!

Ну да, наверняка это девицы за тобой бегают. Хотя все равно непонятно, к чему мне эта невероятно ценная информация.

– Ты не представляешь, как тебе повезло, что не сожрали! Хотя лучше бы сожрали, глупость наказуема.

– Да не поднимала я никого!

– И еще больше повезло, что патруль стражи, увидев мертвяков, сразу помчался ко мне, – не унимался мужчина, словно не услышав. – Если бы сожрали кого-нибудь из добропорядочных горожан, с тобой бы сейчас разговаривала не я, а инквизиция.

Так, где здесь выход из этого дурдома? Спокойствие, только спокойствие…

– Послушайте, – произнесла я, отчаянно цепляясь за остатки здравого смысла. – Я не помню ничего. Вообще ничего. Как я сюда попала? Что вообще происходит?

Он внимательно вгляделся в мое лицо. Я ответила прямым взглядом в глаза. Может, мне и есть что скрывать, но здесь и сейчас я была абсолютно искренна. Пропади оно все пропадом, я действительно ничего не понимаю! Даже на каком я свете. Может, все известные мне религии врали, и загробный мир именно такой? Ночь, кладбище, зомби и очень красивый – и очень ехидный – мужчина с отлично подвешенным языком? Интересно, а все остальное у него тоже неплохо подвешено?

Я мысленно выругалась – нашла о чем думать! Хотя судя по тому, как невольно загорелись щеки при этой мысли, я определенно не мертва.

Он нахмурился.

– Не помнишь?

Я помотала головой.

– Как тебя зовут?

– Инга.

– Семья?

– У меня нет семьи. И никогда не было.

В самом деле. Я выросла в детдоме. Мне повезло – вовремя сообразила, что единственная возможность не спиться и не окончить жизнь на трассе – получить нормальное образование. И еще больше повезло, что хватило ума и упорства поступить в медицинский.

– Не было или не помнишь? – спросил он.

– Не было.

Он снова оглядел меня с ног до головы, кивнул каким-то своим мыслям. Я оглядела себя вслед за ним. Да уж, одежда под стать бедной сиротке. Подол платья истрепался, а башмаки – или как это называется? – сношены так, что, кажется, вот-вот развалятся.

– Где ты живешь?

– Не помню.

– Зачем пришла сюда?

– Не знаю.

Он помолчал, все так же испытующе меня разглядывая.

– Или ты в самом деле притворяешься, или… Нет, похоже все так и есть.

– Прошу прощения?

– Когда дар прорывается спонтанно, не под контролем опытного мага…

Мага?!

– … это опасно прежде всего для самого новичка. Чаще всего, конечно, ничего не происходит – у большинства дар не слишком силен, – объяснил мужчина. – Самые сильные обычно погибают. Иногда – прихватив с собой тех, кому не повезло оказаться рядом, просто потому что не смогли совладать с даром. В твоем случае – пробудить полкладбища без формул, без знаний, на чистой силе… – Он покачал головой. – Потеря памяти – не худший исход.

Выходит, мне опять повезло. Впрочем, я вообще везучая. А вот той, кто жила до меня в этом теле, похоже, не повезло. Впрочем, как сказал этот тип – глупость наказуема.

Интересно, сколько ей было лет? Судя по дурацкому привороту – не так много, но оставалась вероятность и того, что это тело отчаявшейся старой девы. Хотя… я украдкой глянула на свои руки. Обломанные ногти, заусенцы, трещины – похоже, эта женщина зарабатывала на жизнь не головой. Но кожа упругая, и морщин нет.

Я невольно перевела взгляд на кисти незнакомца. Зря. Всю жизнь западала на мужские руки. Крепкие запястья – на одном, чуть выглядывая из рукава поблескивал цельнолитой браслет. Широкие ладони. Длинные сильные пальцы, вот разве что перстней для мужчины, пожалуй многовато. Я разом ощутила себя золушкой, захотелось спрятать руки под передник, на худой конец – в складки юбки. Мысленно выругалась. Очутилась невесть где, кажется, в чужом теле, и переживаю, что выгляжу замарашкой? Как будто сейчас это самая большая моя проблема! На самом деле важно совсем другое:

– И что, из-за какого-то дурацкого петуха я умерла… – я поспешно поправилась. – Чуть не умерла и потеряла память?

Мужчина, кажется, не заметил оговорки.

– Нет, этот глупый ритуал ни при чем. Обычная девчонка вернулась бы домой ждать, когда сработает приворот.

«Девчонка». Значит, и правда, молодая дурочка. Вот было бы обидно оказаться в теле старухи, доживающей свой век. Нет, я не буду об этом думать: если я начну всерьез размышлять о том, что умерла и оказалась в чужом теле, я рехнусь. Невозможно переварить все это не рехнувшись. Буду считать, что так все и должно быть.

– Но в твоем случае… Темнота, кладбище, кровь, волнение… выплеск эмоций, пробудивший дар. Вот и результат. – Он буркнул себе под нос. – Я еще спрошу у Клауса, почему его подчиненные мышей не ловят.

– Прошу прощения? – не удержалась я прежде, чем вспомнила про любопытную Варвару и ее печальный конец.

– Инквизиция должна была найти тебя и привезти в университет. Чтобы пробудить дар – осторожно, под контролем наставника – а там либо учить, либо запечатать. – Он вздохнул. – Ничего не поделаешь, опять все самому. Пойдем.

– Куда? Зачем?

И вообще, приличные девушки не шастают ночами невесть куда в сопровождении незнакомых мужчин. Хотя приличные девушки ночами и петухов не режут…

С другой стороны, может, не потащись эта дурочка на кладбище, я бы умерла с концами. А так, похоже, второй шанс. Хотя мне и на прежнюю жизнь было жаловаться грех. Вот разве что с пресловутым женским счастьем не складывалось – но с моим анамнезом едва ли могло сложиться. Откуда детдомовской девчонке знать, что такое нормальная семья?

– Отвезу в общежитие университета. До утра, надеюсь, ты больше никого не поднимешь. А там запечатаем дар, будешь жить дальше, как жила до того.

Как жила до того, я точно не буду. Остаться одной в чужом мире, без памяти, в смысле без памяти об этом месте? Долго ли протяну? Да я даже не найду, где мой дом… точнее, где жило это тело раньше! Я же ничего тут не знаю…

Я снова покосилась на обтрепанный подол и сбитые башмаки. Нет, этот вариант меня не устраивает! Никаких запечатываний!

– Вы сказали «запечатывают или учат». Я могу выбирать?

Если дар – это магия, какая дура по доброй воле от нее откажется? И все же некоторых «запечатывают». Интересно, почему? Не нравится дар? Или чтобы не наворотили дел, не справившись с обучением? А вдруг учеба – платная, и «запечатывают» тех, кому она не по карману? Это вероятней всего. И если так, я крепко влипла.

– Выбирать? – мужчина приподнял бровь. —Твой дар – темный. Мертвые. Хочешь провести всю оставшуюся жизнь среди трупов разной степени свежести?

– А чего такого-то? – удивилась я.

Нет, в самом деле, чего особенного? Это моя работа, вообще-то… была. Вот платное обучение – это действительно страшно. У той, чье тело мне досталось, нет денег на приличные башмаки и незалатанное платье, значит, на университет и подавно. Меня выставят, и я останусь бомжихой. Где жить? На что? Как? В незнакомом и непонятном мире я окажусь беспомощней слепого щенка!

Мужчина подобрал отвисшую челюсть, а потом снова схватил меня за руку и поволок вглубь кладбища. Остановился над развороченной могилой, дернул за руку так, что я едва не свалилась на мертвеца.

– Вот. – Сказал он, указывая на труп, который совсем недавно пытался его ухватить. – Это еще не худший вариант. Нравится?

Я пожала плечами. Выглядит и пахнет, как и полагается трупу на этой стадии разложения – навскидку я дала бы ему неделю. Но действительно далеко не худший вариант.

– Нравиться здесь нечему, конечно. – Как же его убедить? Нужно его убедить, иначе мне конец! Хорошо, голос не дрожит, может, снаружи и не видно, как меня трясет от одной мысли, что в самом деле у меня отберут дар и вышвырнут на улицу. – Но и поводов падать в обморок не вижу. Все мы такими будем, в конце концов.

Он хмыкнул.

– Я – нет. Я в завещании велел себя кремировать…

Завещание? В твоем возрасте?

Он снова хмыкнул.

– Ладно, допустим, у тебя в самом деле крепкий желудок. Но есть еще одно. Ты – девушка. Смазливая – с такими личиком и фигуркой найдется тот, кто возьмет замуж и без приданого. – Голос его звучал при этом так, словно он не со «смазливой» девушкой разговаривал, а теорему Пифагора пересказывал. – И ты в самом деле предпочтешь общение с мертвяками семье и детям?

Какая семья? Какие дети? Тут под мостом бы не сдохнуть! Но вместо того, чтобы объяснять это и упрашивать, я брякнула – не иначе, как на нервах:

– А что, одно другому мешает? Маги дают обет безбрачия?

Мужчина расхохотался. Да так искренне и заливисто, что я сама едва не рассмеялась вслед за ним. Вот теперь, когда он не злился и не ехидничал, стало видно, что улыбка у него просто невероятная. Смотрела бы и смотрела. Да и сам он очень даже…

– Нет… Еще как нет. И женщин-магов немало. – Он посерьезнел. – Но ты – некромант. Более того, ты – единственная за последние сто лет женщина – некромант. От парней-то девчонки шарахаются…

От тебя-то? С таким лицом? С фигурой греческой статуи, которую и одежда не скрывает? Да ладно!

– А на тебя и вовсе будут смотреть как на… – Он помедлил, подбирая слова.

– Как на бородатую женщину из цирка уродов? – подсказала я.

Мужчина усмехнулся.

– Понимаешь, значит.

Я кивнула. На меня всю жизнь так смотрели – не привыкать.

– И все равно хочешь учиться?

– Да. Очень. Если только смогу заплатить

Учеба – это шанс оттянуть момент, когда я окажусь на улице совсем одна. Да и вообще, в любом мире лучше работать головой, чем руками. А к тому, что на меня смотрят, как на ненормальную, я привыкла. Женщина-судмедэксперт едва ли лучше женщины-некроманта. Но что поделать, если общаться с себе подобными я так и не научилась? Нормальному врачу приходится очень много общаться – и далеко не всегда с адекватными людьми. Так вот и вышло…

– Платить не придется, но, если справишься с дипломом, нужно будет пять лет отработать на корону, – прервал мои мысли мужчина.

Я выдохнула, едва не перекрестившись на радостях. Да плевать, что и тут придумали распределение выпускников. Время летит быстро, порой – даже слишком быстро.

– Щедро, – не удержалась я.

Интересно, кто это у них тут нашелся такой продвинутый, что додумался до бесплатного образования за казенный счет? Еще интересней, есть ли тут общежития и стипендии? Если нет, то у меня по-прежнему проблемы… Подумаю об этом потом. И так себя накрутила. Когда буду знать точно – тогда и стану думать, что делать.

– Это все равно дешевле, чем восстанавливать разрушенное теми, кто не совладал с даром. Да и выпускнику, задолжавшему короне, можно платить меньше.

Мужчина снова внимательно оглядел меня с ног до головы, и я все-таки спрятала руки в складки юбки. Поежилась под цепким оценивающим взглядом. Молчание затягивалось, становилось таким невыносимым, что, казалось, сгустился даже воздух, мешая дышать. Что он решит? Что мне делать?

– Что ж, разрешите представиться. – Он коротко поклонился, и я, наконец, смогла вдохнуть. – Винсент Оркан, профессор некромантии и ваш будущий наставник. Пойдемте, коллега, я вас провожу.

– Будущая коллега. – Я вернула поклон, надеясь, что все сделала правильно. В меде нас тоже называли «доктора» и на «вы», хотя не все доучились до выпускных госов. И все же стоило уточнить.

– Это неважно.

– Имя вы уже знаете, фамилию я не помню.

– Судя по вашей одежде, фамилии у вас и нет, как и у всех из низших сословий. – Он жестом пригласил меня следовать за собой. – Ничего страшного, к диплому придумаете. Если дотянете до него.

Да назло тебе диплом получу! Даже если сутками придется зубрить!

Шагал он стремительно, точно торопился покинуть это место, я со своими юбками едва за ним поспевала. Надеюсь, тут женщинам позволены брюки, хотя бы магам. Это ж невозможно, то и дело спотыкаться, наступив на подол!

– Вы всегда так неуклюжи? – поинтересовался профессор, в очередной раз подхватив меня под локоть и не позволив ткнуться носом в могильный холм.

– Нет, только после того, как меня вырубят, – огрызнулась я.

Он не остался в долгу:

– Никто вас сюда на аркане не тащил, так что сами виноваты. И потеря памяти – не оправдание. Образ мыслей-то остался прежним. Чувствую, вы еще доставите мне хлопот.

Глава 3

Кажется, это чувство взаимно. Но выбирать не приходится. Либо усердно учиться и сделать новую жизнь по крайней мере терпимой. Либо оказаться на улице, среди незнакомых людей «низших сословий».

Нужда меня не слишком пугала, еще с полуголодных студенческих времен я умела обходиться немногим. Но если жизнь здешнего простонародья похожа на то, что было в нашем мире – а с чего бы ей быть непохожей – то перспективы у меня незавидные. Даже если удастся как-то устроиться, придется работать от рассвета и до заката. Выйти замуж за того, на кого укажут – и скажи спасибо, если лупить будет только по праздникам, а не каждый день. Родить дюжину детей, половину похоронив во младенчестве, и умереть от очередных родов или какой-нибудь чахотки. Так себе будущее.

Значит, придется как-то искать общий язык с этим профессором. И постараться им не увлечься… или не убить.

За воротами кладбища оказалось полно народа. Правда, вели себя все слишком тихо и на зевак вовсе не походили. Внимательные лица, настороженные позы. Кирасы, шлемы, дубинки. Стража? Десятка два. Ничего себе, похоже я – то есть та девица, которая теперь я – действительно наделала немало шума.

При нашем появлении все заметно расслабились.

– Все в порядке, капитан, беспокоиться больше не о чем, – сказал профессор, обращаясь к седоусому крепышу с внимательным взглядом.

– Деваха, что ли, такого переполоха наделала? – поинтересовался тот.

– Это неважно, – отрезал Винсент. – Отправьте кого-нибудь перезахоронить упокоенных. Если явятся безутешные родичи с претензиями, посылайте их лично ко мне.

– Да они, только услышав «профессор некромантии», в обморок падают. – Капитан обернулся к своим людям. – Ты и ты – караулите у входа. Ты, ты и ты – вытащите из ямы…

Его слова перекрыл стук копыт и грохот колес подъехавшей кареты. Дверца распахнулась, и выскочил брюнет лет сорока, состоявший словно из одних острых углов. Обтянутые кожей скулы, запавшие глаза под кустистыми бровями, торчащий подбородок. Не кормят его, что ли? Но двигался он уверенно и быстро, видимо, просто такое астеничное сложение. Везет же некоторым, никакие диеты не нужны…

– Что здесь происходит? – рявкнул он.

– Доброй ночи, генерал-инквизитор. – Профессор поклонился, как мне показалось, довольно небрежно. Угловатый, поджав губы, вернул поклон.

Похоже, это и есть тот самый Клаус, подчиненные которого мышей не ловят. И зачем его сюда принесло?

Винсент, меж тем, продолжал:

– Вы зря утруждались, явившись лично. Всего лишь спонтанное пробуждение дара. Впрочем, вы можете послать ваших подчиненных ликвидировать последствия. Не страже же могилы копать?

Угловатый хватанул воздух ртом.

– И тем более не инквизиторам!

– Глупость наказуема. – Кажется, это была любимая фраза Винсента. – Если ваши люди не смогли вовремя выявить потенциального мага, пусть они и ликвидируют последствия.

– Вы хотите сказать, дело в этой… – Инквизитор посмотрел на меня, точно на раздавленную лягушку.

– Дело в том, что кто-то слишком редко заглядывает в ремесленный квартал! – припечатал профессор. – Второе спонтанное пробуждение за полгода. Хорошо, мертвецам уже ничего не повредит, а помните, сколько жертв было в прошлый раз?

Интересно, местная инквизиция в самом деле мышей не ловит, или профессор просто нарывается, разговаривая с инквизитором в таком тоне? Земные коллеги угловатого быстро бы вспомнили про «ворожею не оставляй в живых». Но можно ли называть магию ворожбой? Нет, пожалуй, о тонкостях значений слов я подумаю в другой раз. Тем более что одному господу богу известно, как все это звучит на местном языке. А пока лучше молчать и слушать, прикинувшись ветошью.

Угловатый меж тем решил сменить тему.

– А вы-то что здесь делаете?

Профессор фыркнул и выдал:

– Что некромант делает на кладбище? Прогуливаюсь. Дышу ночным воздухом. Упокоиваю поднятых.

– Поднятых? – Инквизитор снова посмотрел на меня. – Тогда девка едет со мной.

Мне захотелось спрятаться за спину Винсента. Слишком уж нехорошим был этот взгляд.

– С чего бы? – поинтересовался профессор.

– Женщин-некромантов не бывает. Значит, либо она кого-то покрывает, либо она ведьма.

Час от часу не легче! Вот же принесло этого… инквизитора! И чего ему ночами не спится?

– Вам следовало бы лучше учить историю. Ханна Мальмас. Ребекка Сворн. Каисса Грай. Продолжать?

– Все это дела давно минувших дней. А в этом веке…

– А в этом веке вы упустили возможность пообщаться с единственной некромантkой, вовремя не выявив дар. Девушка теперь – моя забота, Клаус. Моя и университета. – Профессор снова поклонился и в этот раз поклон выглядел издевательски-изящным. – Доброй ночи, генерал-инквизитор. Точнее, того, что от нее осталось.

Он подхватил меня под локоть и повлек прочь. Я не сопротивлялась. В голове теснилось слишком много вопросов. Что принесло сюда инквизитора? Почему именно его? «Генерал-инквизитор», похоже, не из последних – или здесь принято дергать начальство на любое ЧП? Университетский профессор – тоже не мелкая сошка… Что теперь будет со мной? В нашем мире внимание инквизиции ничего хорошего не предвещало. Да и вообще – что теперь будет?

Винсент привел меня к карете, стоявшей метрах в ста от входа на кладбище. Кучер вскинулся, сонно заморгал, оказавшись в круге света от шара, все еще висевшего над головой мага. Я позавидовала его хладнокровию: дрыхнуть, когда совсем рядом бродят зомби! Возница соскочил с козел, с поклоном отворил дверь.

– Прошу вас, – сказал профессор, протягивая руку.

Я замешкалась, не понимая, чего он от меня ждет.

– Обопритесь на мою руку и забирайтесь в карету.

Я подобрала юбки. Взгляд Винсента метнулся к моим ногам, и я поняла, что, кажется, снова оплошала, задрав подол почти до колена. Едва коснулась его руки и тут же отдернула свою, взлетев в карету.

– Пересядьте, – сказал профессор. – Дама едет спиной к кучеру, мужчина—напротив.

Ну вот далась ему такая ерунда! Какая разница, кто где сидит? И без того голова кругом идет!

Винсент устроился напротив, беззастенчиво меня разглядывая. Я окончательно смешалась под его взглядом – слишком пристальным, слишком заинтересованным. Он вдруг ободряюще улыбнулся.

– Вас никто не учил этикету, так что первое время ошибки простительны. Не обращайте внимания, если кто-то из студентов начнет кривить нос. Но постарайтесь разобраться быстрее.

Я мысленно застонала. Разве без этого мне будет нечему учиться? Я дома-то кое-как запомнила, что, встретив на улице знакомого, девушка должна здороваться первой, а, знакомя, наоборот первого должны представлять мужчину. Нет, я не вытирала нос рукавом и не ковыряла ножом в зубах, но зачем держать в голове кучу глупых условностей? А тут, наверное, свод правил потолще «Войны и мира».

– Постараюсь. – Смиренно согласилась я, вовремя вспомнив, что нечего делать в чужом монастыре со своим уставом.

– В университете этикет преподает Йон Стерри. Отдельные уроки, для таких как вы.

– Из низших сословий? – уточнила я.

Профессор кивнул.

Значит, это не он зануда, помешанный на правилах приличия, а здесь действительно много внимания уделяют этикету. Похоже, мне повезло с телом – от простолюдинки никто не будет ждать изысканных манер, окажись я в теле леди, вызвала бы подозрение с самого начала. Впрочем, я и так, кажется, привлекла ненужное внимание.

К слову, о манерах Знакомство не слишком задалось, но, может, еще получится что-то исправить?

– Простите, что ударила вас. Я… – И что ему сказать, спрашивается? «Простите, сразу после смерти я обычно плохо соображаю?» – Это вышло случайно.

С лица профессора сбежала вежливая улыбка, голос зазвенел металлом..

– Я бы сказал, что это выглядело очень даже намеренно. Но, поскольку вы не мужчина, извинения принимаются.

А парню он бы морду набил в ответ? Хотя кто знает, какие тут нравы. Говорят, в средневековых университетах диспут с преподавателем вполне мог закончиться дракой. Я представила себе, как выглядела бы подобная защита диплома – в прямом смысле защита! – в наших реалиях и проглотила неуместный смешок. Но, похоже, он отразился у меня на лице, потому что тон профессора стал еще холоднее, так что у меня самой по загривку озноб пробежал.

– Но повторять не советую.

Надо было промолчать, послушно кивнув, но язык мой – враг мой. В конце концов, я просто хотела извиниться, и меня же за это тыкают носом, как щенка в лужу!

– Это вряд ли. Обычно я бью мужчинам морды, только если они первыми распускают руки.

Профессор оглядел меня с ног до головы, да так, что я разом вспомнила про обтрепанный подол, потрескавшуюся кожу ботинок и намертво въевшуюся грязь вокруг ногтей. И все же мелькнуло в его взгляде что-то…

– И не надейтесь. Я не сплю со студентками.

Я разозлилась. На этого самовлюбленного типа, на себя, давшую ему повод для насмешек.

– Предпочитаете студентов?

– Предпочитаю взрослых умных женщин, которых не интересует отметка в дипломе, или что я могу замолвить словечко их наставнику.

Ну да, взрослых женщин интересует не зачетка, а кое-что посущественней. Я вернула ему долгий оценивающий взгляд, только сейчас обнаружив на шее профессора тяжелый на вид медальон в форме вороньего черепа, а цепочка, выглядывающая из раскрытого ворота рубахи, пробуждает в памяти незабвенное «златая цепь на дубе том». А еще перстни, браслет… Зачем ему столько побрякушек? Пыль в глаза пускать?

– Взрослых? – съехидничала я. – Ум не всегда приходит с возрастом.

– Да, в вашем случае очевидно, что возраст придет один, потеряв ум где-то по дороге. Вы не забыли, что еще официально не оформлены в качестве студентки?

Я прикусила язык. С него станется высадить меня из кареты прямо сейчас. Но извиняться не стала – один раз попробовала, и что? Только хуже сделала. Поэтому я просто молча опустила взгляд, изображая паиньку. Но профессор не унимался.

– Еще вопросы будут? Или вас интересуют только, – его взгляд остановился на моих губах, – мои постельные предпочтения?

Чего ты на меня так взъелся? Конечно, расквашенный нос никому не добавляет доброты, но ты ж его, похоже, сам залечил. Да и к тебе в студентки я не напрашивалась, ну, то есть напрашивалась, конечно, но я же не знала, что к тебе. И ты вполне мог отказаться, если уж я тебе так не нравлюсь!

И все же вопрос у меня был. Точнее, вопросов была куча, но один вертелся прямо-таки на кончике языка.

– Инквизитор обозвал меня ведьмой. В чем разница между ведьмой и магом?

Потому что если меня сочтут ведьмой и обойдутся со мной так же, как в нашей реальности – с ними, ядовитый язык Винсента станет ерундой, не стоящей внимания.

Профессор моргнул, словно этот вопрос застал его врасплох.

– По большому счету ни в чем, – произнес он, помолчав. – Но дар ведьм связан с кровью. Если стихийники черпают силу в, естественно, стихиях, некроманты – в смерти, ведьмам… или ведьмакам нужно пролить кровь.

– И? Что в этом плохого?

Лаборанты, вон, каждый день кровь «проливают». Хирурги те же.

– Сколько крови в одном человеке?

В тоне его было что-то такое, настолько типично преподавательское, что я ответила прежде, чем подумала:

– Семьдесят семь миллилитров на килограмм массы тела у мужчин и шестьдесят пять у женщин. Плюс-минус десять процентов.

У профессора отвисла челюсть. Я мысленно хлопнула себя по лбу. Что-то отличало Штирлица от окружающих – то ли строгий взгляд, то ли волочащийся следом парашют…

– Интересные знания гуляют в ремесленных кварталах, – проговорил Винсент, вернув дар речи. – Очень интересные…

Глава 4

Я захлопала ресницами, изобразив самое глупое выражение лица, на которое была способна.

– Не знаю, откуда я это знаю… В смысле, я знаю, что ничего подобного не знаю…

– Так сказал один философ, – хмыкнул профессор.

– Правда? – Я снова похлопала ресницами.

Только не говори, что у вас тут был свой Сократ. Или у дураков мысли сходятся?

– Так откуда вы взяли это число? – Его взгляд на миг расфокусировался, точно профессор что-то подсчитывал в уме. – Да, примерно так и выходит.

– Прошу прощения?

– Целители говорят, в человеке пять литров крови, – пояснил он. – По вашим формулам…

– Они не мои! – пискнула я, прикидывая, не сигануть ли из кареты на ходу. Но куда я пойду и что буду делать, если сбегу?

– Хорошо, по не-вашим формулам получается примерно то же, что говорят целители. Плюс-минус десять процентов. Откуда вы их взяли?

Из учебника по физиологии кровообращения, кажется. Хотя, нет, столько лет бы я цифры в памяти не удержала. Значит, относительно недавно лазила в справочник. Да, точно, пересмотрели с приятельницей старый ужастик и поспорили, может ли с одного человека натечь ведро крови. Я и полезла в справочник, чтобы подтвердить свои слова. А вот в какой именно…

– Не помню, – проговорила я, уставившись на Винсента совершенно честными глазами. – Правда, не помню.

Он смерил меня задумчивым взглядом.

– Хорошо, поверю. Так возвращаясь к ведьмам. В человеке около пяти литров крови, но смертельная кровопотеря наступает гораздо раньше. И даже не смертельная, но регулярная ничем хорошим не заканчивается. Понимаете, к чему я клоню?

– Чужую кровь использовать выгоднее. Но что в этом плохого, если она отдана добровольно?

В конце концов, в нашем мире донорская кровь спасла немало жизней. И чтобы ее получить, никто не отлавливает жертв в темной подворотне.

– Не пойму, то ли вы глупы, то ли просто наивны, то ли зачем-то морочите мне голову.

И то, и другое, и третье. В смысле, я не считаю себя гением, а в этом мире и вовсе на положении новорожденного. И совершенно точно морочу тебе голову. Получается, правда, так себе. Видимо, слишком много сегодня на меня свалилось, совсем не соображаю.

– Крови, которую безопасно способен отдать доброволец, может и не хватить. К тому же силы всегда мало. И всегда велик соблазн получить еще – уже недобровольно.

– И только? – не изумилась я. – Дело только в возможности? Этак всех мужчин можно сажать за… – Я осеклась, но профессор понял, расхохотался.

Да что ты будешь делать, рот мне себе зашить, что ли? Но не в жизнь не поверю, будто сильных мира сего волнуют потенциальные жертвы. Да любая власть построена на гекатомбах жертв. Всегда есть преступники и другие неугодные. Есть войны. Сколько силы может получить маг крови – если говорить привычным мне языком – на поле боя, где сходятся сотни людей с каждой стороны? А некромант? Если их – наша – сила связана со смертью, не получается ли…

– А некромантам тоже нужны жертвы? – спросила я. – Я на это не подписывалась!

Цель, может, и оправдывает средства, но я пока не дошла до той степени отчаяния, когда убивают ради куска хлеба.

Профессор перестал смеяться.

– Нет. Смерть – естественная часть мира, как стихии. В этом городе каждый день умирает не один человек. Про животных даже и говорить не стоит.

Я выдохнула. Нет, наверное я смогла бы убить… Того же маньяка, который меня зарезал, прикончила бы без сожалений. Но одно дело – защищать свою жизнь, а другое – хладнокровно умертвить кого-то ради неких абстрактных благ.

– Возвращаясь к ведьмам. Дело не только и не столько в возможных жертвах – хотя именно обескровленные трупы породили легенды о вампирах. Ведьмам не прощают способности к ментальным воздействиям.

Я кивнула – да уж, мало кто согласится терпеть рядом человека, способного вмешаться в твой разум, и неважно, напрямую он на него влияет или просто читает твои мысли. Поймала на себе внимательно-заинтересованный взгляд профессора и торопливо спросила:

– А что это значит – мен-таль-ным?

– Способность внушить свои мысли. Подчинить другого и заставить делать то, что надо – причем так, что жертва будет уверена, что поступает по собственному разумению.

Я присвистнула, забывшись. Да будь носитель таких способностей хоть святым, никто не поверит, что он не пустит их в ход. Шарахаться начнут сильнее, чем от прокаженных. И при таком раскладе рано или поздно озвереет кто угодно. Если человеку все время говорить, что он свинья, в конце концов он захрюкает.

– Да, это практически неограниченная власть. – подтвердил мои мысли профессор. – Так что сейчас непробудившихся запечатывают без разговоров.

– А если дар проявился?

– Запечатывают или казнят. Зависит от того, удастся ли доказать, что использовалась чужая кровь или было вмешательство в чужой разум.

– Как можно доказать вмешательство в чужой разум, если сама жертва считает, что действовала по собственному желанию?

– Мы – в смысле, некроманты – можем, для этого есть специальные заклинания. Но часто нас даже не зовут, инквизиторы приходят к выводу, что заверения того, кто считает, будто пострадал от ментальной магии, достаточно убедительны.

Тогда я заранее сочувствую тем, чей дар успел проснуться. Поди докажи, что ты не верблюд.

– Поэтому инквизитор так вами заинтересовался. – Винсент тонко улыбнулся. – Не беспокойтесь. Студенты подсудны только совету университета.

Это намек такой? Дескать, веди себя хорошо, чтобы не вылететь, иначе отправишься к инквизитору? Да я-то не против вести себя хорошо, но ведь не получается! И не может получиться, если совсем уж честно. Паиньке в детдоме не выжить, а то, что из меня выросло, умеет находить общий язык только с телами на секционном столе, да с редкими, такими же… своеобразными людьми.

– Да и ваш дар, очевидно, не кровь, – заключил профессор после долгой паузы, похоже, насладившись моей растерянностью.

Надо что-то делать с лицом. Никогда не умела справляться с эмоциями, но если дома это ничем особенным не грозило, кроме репутации несдержанной особы, у которой что на уме, то и на языке, то здесь неумение скрывать чувства может очень плохо кончиться. Лучше бы вместо этикета в местном университете преподавали что-нибудь типа «Держим морду кирпичом: базовый курс». Или «Как вежливо улыбаться, когда хочется кого-нибудь убить». На худой конец, какие-нибудь техники актерского мастерства, чтобы скрывать выражение лица. Мечтать не вредно.

Может быть, профессор хотел добавить что-то, но карета замедлила ход, а вскоре и вовсе остановилась. Дверца распахнулась. Винсент выбрался наружу и подал мне руку. Кажется, в

этот раз мне удалось сделать все, как надо – и не задрать юбки, и не запутаться в них, и не слишком сильно навалиться на него. Правду говоря, я вообще его едва коснулась.

– Благодарю вас.

Винсент одобрительно кивнул. Значит, я и в самом деле сделала все правильно. Почему-то это микроскопическое достижение наполнило меня радостью. Ничего, прорвемся, где наша не пропадала!

Высокие ворота с коваными завитушками распахнулись по мановению руки профессора.

– От заката и до рассвета студенты должны быть в своих комнатах или, по крайней мере, на территории университета, – пояснил он, жестом предлагая мне следовать за собой.

В своих комнатах? Значит, тут есть общежитие! Я едва не запрыгала от радости.

– Но сегодня вы со мной, так что ворота вас пропустят. – я шмыгнула за ним и створки захлопнулись за спиной. – На будущее имейте в виду: не успеете до заката – будете ночевать в городе. Если найдете где.

– А зимой, когда день короткий? – поинтересовалась я.

Не знаю, как здесь, а в наших широтах зимой в четыре вечера уже сумерки, а в пять темно хоть глаз выколи.

– Ворота зачаровывали не на время по часам, а на ход солнца по небу. Днем, чтобы их открыть, достаточно прикосновения, ворота чувствуют магию. В темноте они открываются только преподавателями.

Значит, зимой за них лучше не соваться. Но интересно, с точки зрения ворот, что отличает преподавателя от студента? Какой-то ритуал? Амулет? Амулет можно попробовать стащить… Ладно, не самая моя большая проблема сейчас. Может, мне и вовсе нечего делать в городе.

За воротами оказался парк, кроны деревьев и кусты светились, словно ветки были обмотаны множеством светодиодных лампочек. Прямо Новый год, только снега не хватает. Винсент погасил свой светящийся шар или как он там назывался.

– Вон там наш факультет, – указал профессор куда-то в темноту между деревьями. – На самом деле «факультет»– это громко сказано. Один профессор, один преподаватель без степени, пара лаборантов и дюжина студентов. Первокурсников четверо, считая вас.

Так мало? На нашем потоке в меде было сто двадцать человек. Хотя… В интернатуру пришло трое. Так что тут, получается, даже больше.

– А сколько в стране университетов? – полюбопытствовала я.

– Одного более чем достаточно. Почему вы интересуетесь?

– Пытаюсь понять, четыре первокурсника – это много или мало.

– У целителей в этом году тридцать с небольшим. У стихийников полсотни. Некромантия – редкий дар…

И этот редкий дар ты хотел запечатать, даже не спросив? Вот так разбрасываться потенциальными коллегами? Или конкурентами? Если второе, то понятно. Хотя нет, если бы ты боялся конкурентов, не стал бы преподавать.

– …мне было бы жаль его запечатывать, – продолжал профессор, словно опять прочитав мои мысли.

– Тогда зачем вы мне это предложили?

– Вы – женщина, – сказал он, будто это что-то объясняло.

Снова-здорово! Да, женщина, но это не значит, что меня интересуют только платьишки и бусики. У меня еще и голова есть, и не только чтобы в нее есть.

– Но ведь заклинания творят не… – Я помедлила, подбирая мало-мальски приличные выражения. – Не тем органом, которого у меня нет и не будет?

Винсент смерил меня долгим взглядом, от которого сами собой загорелись щеки. Я опустила глаза, мысленно проклиная свой длинный язык.

– Будь это так, ваш дар пришлось бы запечатать. – Лицо профессора оставалось совершенно серьезным, но в голосе заискрились смешинки. – Все проще. Лет пять назад инквизиторы привезли к нам девушку с даром некроманта. Она рыдала всю дорогу, а когда я решил с ней поговорить, упала в обморок.

И он решил, что я такая же трусиха?

– Да и мой предшественник рассказывал что-то подобное. – Профессор стал серьезным. – Вы еще не поняли? Нас боятся. Людям вообще свойственно бояться смерти и не хотеть лишний раз сталкиваться с тем, что о ней напоминает, это нормально. И если мужчина способен заглянуть смерти в лицо, то женщина…

Вообще-то в нашем мире покойников обмывали и обряжали женщины. Так что зря ты так.

– Потому я полагал, что и вы откажетесь.

– И ошиблись.

– Это мы увидим завтра, на практическом занятии.

Да не дождешься! Хотя я могу и не справиться. Вот будет обидно.

– К слову о занятиях. Много мне придется догонять?

– Вам повезло, прошло лишь две недели с начала учебного года. Пока студенты лишь изучали теорию и учились чувствовать дар.

С одной стороны – повезло. С другой…

– Я сейчас в себе никакого дара не чувствую.

С другой стороны, и что тело не мое, я тоже не чувствую. Если бы не коса, перекинутая на грудь, да зудящая где-то на краю сознания мысль – а какая я теперь? «Смазливая» мне ничего не говорит. Красота в глазах смотрящего, да и вообще… Но пока в моих руках не окажется хоть захудалого зеркала. придется подождать.

Или так и должно быть – не сознавать чужое тело чужим?? Мозг-то, то есть нейроны и все причитающееся, тоже не мой. Жаль, что никто исследований не проводил, я бы почитала.

– Вы же не чувствуете каждую минуту, как бьется сердце. И как дышите —тоже, если специально не обращаете на это внимание. Так и с даром, вы его не чувствуете, пока к нему не обращаетесь. Но об этом завтра. – Винсент глянул на небо. – Точнее, уже сегодня утром.

Интересно, он со всеми студентами так возится? Наверное, с чего бы ему менять привычки ради меня. Может, у них тут положено носиться с первокурсниками, как с писаной торбой.

Глава 5

Профессор остановился у длинного трехэтажного здания, в котором не светилось ни огонька. Постучал в дверь. Потом еще раз, сильнее.

– Кого там нечисть носит? – донеслось с другой стороны.

– Дэгни, открывай! – рявкнул Винсент.

Заскрежетал засов, дверь отворилась, явив дородную особу в платке. На миг мне показалось, что я вернулась в детство и снова стою перед «нянечкой» Александрой Ивановной. Нет, лица у этих женщин были разные. А выражения их точно лепил один скульптор.

– Ой, профессор, какими судьбами к нам? – Тетка расплылась в заискивающей улыбке. Перевела взгляд на меня и рявкнула: – А ты чего шляешься среди ночи, нормальных людей будишь!

Я дернулась, голова сама собой втянулась в плечи в ожидании затрещины. Заставила себя распрямить спину. Хватит! Я взрослая, и прекрасно понимаю, что такие тетки просто пытаются самоутвердиться за счет тех, кто не может ответить. Я – смогу, если понадобится.

Не понадобилось.

– Она здесь среди ночи потому, что я так велел, – холодно заметил профессор. – Приведи Ханну, и чтобы одна нога здесь, другая там.

– Так спит… – начала было мегера и осеклась под его взглядом. – Сейчас позову. А вы не стойте на пороге, заходите, садитесь, вот, чайку, может, соорудить…

– Приведи Ханну. Немедленно.

Тетка испарилась со скоростью, удивительной для ее комплекции. Мы остались в небольшом холле. У одной стены стояла кушетка на резных ножках, в противоположной было прорезано окошко, за которым маячили стол и еще одна кушетка. Похоже, студенческие общаги во всем мире одинаковые.

Профессор садиться не стал, я тоже осталась стоять. Хотела по привычке подпереть спиной стену – кто знает, сколько придется ждать? – но профессор держался прямо, точно на плацу, и я не стала рисковать. Встала неподалеку, блуждая взглядом по нехитрому интерьеру.

– Дэгни – сторож, – пояснил Винсент, хотя я ни о чем не спрашивала. – Ханна – смотрительница общежития. Она будет решать, где вам жить, и расскажет, что дальше.

Он подавил зевок. Ну да, глубокая ночь. У меня и самой глаза слипались, хотя совсем недавно казалось, что сегодняшних – или уже вчерашних? – впечатлений хватит, чтобы лишить меня сна по меньшей мере на неделю.

– Я могу дождаться смотрительницу и сама, – сказала я. – Вы и без того очень много для меня сделали.

Не то чтобы меня сильно заботил профессорский сон, но многие мои знакомые с недосыпа становились придирчивыми и раздражительными. Не лучшие качества для наставника. Тем более, что сделал он для меня действительно немало. Не отдал инквизитору, в университет сам привез, возится теперь…

Он покачал головой.

– Пока вы – моя ответственность. – Из коридора донеслись шаги, и профессор добавил: – А вот и Ханна. Не переживайте, еще немного, и я избавлю вас от своего общества. По крайней мере, до утра…

Ну и как вести себя по-человечески, если стоит хоть чуть расслабиться, и он сразу начинает говорить гадости?

– …завтра в восемь встретимся на занятиях, – закончил профессор и обернулся к вошедшей.

О таких как Ханна говорят «слона на скаку остановит». Высокая, крупная, не толстая, а именно крупная, этакая валькирия, только копья не хватает. Но когда она мне улыбнулась, на какое-то мгновение показалось, что проблемы закончились, и все обязательно будет хорошо.

– Профессор? – Ее поклон оказался полон достоинства. – Чем обязана?

– Ханна, устройте мою новую студентку, пожалуйста.

Ее брови взлетели на лоб.

– Вашу студентку? – Она выделила голосом первое слово.

Да уж, умею я выбирать специализацию. Хотя тут я ничего не выбирала, само так вышло.

– Именно, – подтвердил Винсент.

– Тогда ей понадобится отдельная комната.

– Ей прежде всего понадобится бесплатная еда и одежда…

Мне захотелось шмыгнуть в темноту и не отсвечивать, пока он не уберется. Да что со мной такое? В студенчестве я многажды штопала джинсы и ставила разноцветные заплаты на локти свитеров, считая это своего рода вызовом. Так почему я сейчас не знаю, куда деться от стыда за свою – да даже не свою! – бедность? Привыкла быть взрослой самодостаточной женщиной? Или дело в чем-то другом? Точнее, в ком-то?

– …отдельная комната ей не по карману.

– Спасибо, профессор, я это обдумаю, – вежливо, но твердо, произнесла Ханна. – Не смею вас больше задерживать.

Он поклонился ей, кивнул мне и удалился.

– Пойдем, деточка, – улыбнулась Ханна. – Как тебя зовут?

– Инга. Только… – Я замялась. – Мне в самом деле нечем платить за комнату.

– Пойдем, – она повлекла меня за собой. – Не ты первая, не ты последняя, кто попадает к нам без гроша в кармане.

Я шагала вслед за ней по лестнице, размышляя, как на самом деле здесь называется то, что мой разум воспринял как «грош» и слушала пояснения. Для таких, как я, комнаты бесплатны, правда, они на четверых. По одному, а порой и в одиночку в нескольких комнатах (если не считать прислуги) живут отпрыски богатых родителей, готовых щедро платить за то, чтобы деточке не мешали заниматься никакие соседи. По иронии в ее голосе я поняла, что это скорее деточки мешают заниматься соседям, но комментировать не стала. Не мое дело.

– Вообще я нормально уживаюсь с людьми, – осторожно заметила я, выслушав ее.

По крайней мере, в предыдущей общаге получалось.

– Может быть. Но люди могут не захотеть уживаться с тобой. Для меня все девочки – словно родные племянницы, и я не хочу раздоров на ровном месте.

А еще она наверняка не желает, чтобы к ней явились со скандалом и потребовали меня отселить.

Мы поднялись на третий этаж, потом прошли в конец длинного коридора с рядом дверей к еще одной двери в торце.

– Вот, – сказала Ханна, открывая ее. – Когда-то нравы в университете были строже, и на каждом этаже дежурили ночные сторожа. Комнаты остались, но жить в них никто не соглашается. Эта будет твоей.

Я заглянула в дверной проем. Не хоромы. Узкая кровать под окном, стол шириной чуть больше полуметра вплотную к ней, табурет – больше в эту клетушку не помещалось ничего. Зато было окно почти во всю стену, а над спинкой кровати зачем-то висело зеркало. Я заглянула в него, но стекло покрывал такой толстый слой пыли, что оно отразило лишь смутную тень.

Конечно, никто из богатой семьи не согласится жить в такой каморке. Но для меня это была бесплатная крыша над головой, и плевать, что тут даже тараканов разводить негде.

– Огромное вам спасибо, – улыбнулась я. Снова оглядела свое новое жилище и добавила: – Где можно раздобыть тряпку и ведро с водой?

– О, это незачем, – отмахнулась Ханна. – Сейчас мы тут все поправим.

И сделала нечто. Мне показалось, что я на миг уловила колебания… чего-то, для чего у меня пока не находилось слов. Правда, в следующий момент я решила, что обманываю себя и это было дуновение воздуха. Как бы то ни было, комната преобразилась на глазах. Исчезла пыль, столик заблестел свежей полировкой, засверкало зеркало, расправилось покрывало на кровати.

– Обалдеть, – выдохнула я, на миг забыв даже о том, что надо узнать, как я выгляжу.

– Обычная бытовая магия. – Она потрепала меня по плечу. – Скоро сама научишься. А пока…

Снова колыхнулось нечто – пусть пока будет эфир, за неимением правильных слов – и теперь я действительно ощутила, что это колыхание – не сквозняк. Платье, которое я до сих пор считала серым, приобрело глубокий синий цвет, подол удлинился, прикрывая башмаки, их кожа стала гладкой и блестящей. Ну прямо-таки золушка, к которой явилась крестная-фея. Надеюсь, после полуночи карета не превратится в тыкву.

Ханна отмахнулась от благодарности, вынула из воздуха и вручила мне стопку постельного белья, мешочек с «нужными любой девушке мелочами» и записку для кастеляншки, велев заглянуть с самого утра и взять жетоны для столовой. Интересно, во сколько здесь «утро», если в восемь уже начинаются занятия? За этой мыслью последовала другая – а как проснуться вовремя? Будильника-то у меня нет.

– Не волнуйся, не проспишь, – рассмеялась Ханна. Пожелала мне доброй ночи и исчезла.

Я закрыла за собой дверь, метнулась к зеркалу и шарахнулась, когда стеклянная гладь отразила незнакомое лицо. Заставила себя всмотреться.

Девчонка. По нашим меркам – не старше двадцати. Круглое лицо, орехового цвета глаза с такими длинными и густыми ресницами, что никакой туши не надо. Ровно очерченные брови. Рот, пожалуй, чуть великоват, но в целом лицо вполне симпатичное. Темно-каштановые кудри выбились из косы пушистым ореолом.

Прежде, чем рухнуть в кровать и провалиться в сон, я еще минут пять таращилась в зеркало, привыкая, но так и не привыкнув к новой себе.

Для того, кто придумал будильник, в аду наверняка приготовлен отдельный котел – именно это было моей первой мыслью, когда в разум пробился металлический звон. Вторая мысль – когда и зачем я приволокла домой допотопную дребезжалку? Да еще и завела ее на несусветную рань, судя по тому, как трудно продрать глаза. Часа три спала, не больше. Ну и для чего я себе устроила этакое экстремальное пробуждение?

Я кое-как разлепила веки, с полмига недоуменно глядела на табурет перед самым носом, а потом воспоминания нахлынули, заставив ткнуться лицом в подушку и застонать. То, что я вчера, приняла как должное, видимо, оглушенная происшедшим, сегодня обернулось сущим кошмаром. Захотелось забраться под одеяло с головой, зажмуриться, заткнуть пальцами уши и молиться невесть кому, чтобы вернул меня обратно.

Обратно? В объятья маньяка? Нет уж! Если мне, неизвестно за какие заслуги дали второй шанс, глупостью будет не попытаться выжать из него все возможное. К тому же мне не впервой осваиваться в новом мире: из детдома я вышла, не зная о повседневной жизни почти ничего. Даже как в магазин ходить. Мне тогда очень, просто очень повезло, что всего лишь почти мгновенно растратила деньги, которые скопились к выпуску на моем «сиротском» счете, но ни во что серьезное не вляпалась. Может, и сейчас повезет.

Трезвон, наконец, прекратился, и я поняла, что это что-то вроде школьного звонка или всеобщего будильника. В коридоре зазвучали девичьи голоса. Что ж, страшно-не страшно, а надо выбираться из кровати и как-то начинать новую жизнь. В прямом смысле новую.

Я думала, что в комнате для мытья будет полно народа, а то и вовсе очередь, но там обнаружилась лишь одна девушка.

– Ты тоже новенькая? – прощебетала она. – Я еще не научилась управляться с водой, приходится самой сюда ходить. Я тут три дня, а ты?

– С ночи, – ответила я, размышляя, о чем ей можно говорить, а о чем нельзя. Но, кажется, ей не нужны были мои ответы, потому что она продолжила, не дослушав.

– Соседки говорят, это вовсе несложно, а у меня все не выходит и не выходит. Даже думаю, может, я не стихийный маг вовсе? К нам в деревню как-то приезжал погодник, солидный такой. Как встал, как руками взмахнул – мигом тучи собрались, ливануло! Где он, а где я… Говорят, погодники – стихийные, а я с водой никак управиться не могу. А ты кто?

– Инга.

– А меня зовут Кася. Но я не про имя спрашивала. Я – стихийный маг, – гордо произнесла она. – А ты какой?

– Некромант.

– Глупая шутка,– фыркнула она.

– Я серьезно.

– Ну правда, хватит!

Я пожала плечами: не хочет, пусть не верит.

– Так ты в самом деле? Фууу! – Кася скривилась. – В мертвяках ковыряться!

Она обвела в воздухе между нами круг, перечеркнула его – то ли оскорбительный жест, то ли защитный знак – и демонстративно повернулась ко мне спиной

Я хмыкнула. Как знакомо. «В трупах копаешься?» – спрашивали, узнавая о моей профессии. А то, что мы со вполне себе живыми работаем куда чаще, мало кто вспоминает. Интересно, здесь так же? В смысле, чем вообще занимаются некроманты?

Что ж, скоро узнаю, так или иначе.

Глава 6

Может, профессор в самом думал, что достаточно один раз указать куда-то в темноту, и я легко найду нужный факультет при свете дня, даже начав его разыскивать из другой точки, а может, не удержался от мелкой пакости, но парк, расположенный на территории университета, оказался настоящим лабиринтом дорожек и зарослей, а чем руководствовались те, кто расставлял здания в этом лабиринте, и вовсе было уму непостижимо.

Спрашивать у студентов оказалось бесполезно. Те, кто не шарахался, отвечали в стиле «три поворота налево, один направо», и это было не издевательством, а проводить не вызвался никто. Да и с чего бы: у всех свои дела. Так что к зданию факультета я подбежала запыхавшись. Постояла пару секунд, переводя дух. Зачем-то оправила юбку; крепче прижала к груди, точно защищаясь, сумку с тетрадями и пером-самопиской и толкнула дверь.

За дверью оказался холл. Размером со стандартную комнату в «хрущевке», но, пожалуй, уютный. Обшитые деревом стены, скамеечки вдоль них. В стенах справа и слева имелись проходы в оба крыла здания. Прямо напротив входа – лестница, рядом с которой болтали два парня. Ступени лестницы шли и вверх, и вниз.

Парни глянули в мою сторону и сразу же потеряли интерес, вернувшись к беседе.

– Прошу прощения, – обратилась я к ним. – Где я могу найти профессора Винсента Оркана?

Он сказал «встретимся на практике» но не уточнил, где именно на факультете его искать. Но вряд ли гора будет ходить к Магомету, в смысле, профессор – сам бегать за студентами.

Один из парней, с белесыми бровями и ресницами, смерил меня презрительным взглядом.

– Милочка, прислуга не должна первой обращаться к господам. Она должна скромно стоять и ждать, пока на нее соизволят обратить внимание.

Может, прислуга и должна скромно стоять и ждать, но я-то не прислуга.

– Где я могу найти профессора? – повторила я спокойным и уверенным тоном.

Белобрысый раздраженно вскинул подбородок, но тут вмешался второй, невысокий крепыш.

– Пойдемте, я провожу. – Он шагнул к лестнице.

Белобрысый недоуменно воззрился на него, потом молча пожал плечами, точно решив не вмешиваться. Крепыш зашагал вниз по лестнице, в подвал. Я – за ним.

За шесть лет в меде я привыкла, что практика может быть где угодно. В анатомичке, инфекционном отделении, поликлинике у черта на куличиках, да и в подвале. Поэтому я спокойно спустилась на два пролета, вслед за парнем остановилась у двери, которой заканчивалась лестница. Он открыл дверь, указал жестом.

– Прошу.

А в следующий миг воздух подпихнул меня в спину, внося в подвал. За спиной захлопнулась дверь, проскрежетал засов, и я осталась в полной темноте. Толкнулась – дверь не поддалась, только донесся едва слышный смешок, и стало тихо.

Ситуация была до того нелепой, что я рассмеялась. И даже неважно, планировался ли розыгрыш, которым нередко подвергают новичков, или парень всерьез решил проучить слишком наглую прислугу, на миг я снова ощутила себя девчонкой-первокурсницей. Отсмеявшись, отвернулась от двери, вглядываясь в темноту. Нет. Ни окна, ни щелочки, ни лучика света – я поднесла руки к самым глазам, коснувшись бровей, и не увидела собственных пальцев. Ни шороха, кроме звука моего дыхания. И запах. Не сильный, едва заметный, но все же очень знакомый запах разложения.

А шуточка-то с душком. Что сделает нормальная девчонка на моем месте? Зависит от характера. Или будет ломиться в дверь, может, плача, а может, ругаясь. Или пойдет обследовать помещение. И наткнется на труп. Одна, в кромешной тьме. Инфаркт-не инфаркт, а заикание обеспечено почти с гарантией.

Я мысленно хмыкнула. Не дождутся! Рано или поздно сюда кто-нибудь зайдет, скорее рано, чем поздно, потому что в подвале факультета некромантов тела держат явно не просто так. Либо учебное пособие, либо материал для исследования, либо еще что-то такое. И вряд ли хранят их бесконечно, иначе здесь дышать бы нечем было. Все, что мне нужно – подождать. А потом, когда выпустят отсюда, найти профессора и извиниться.

Я прислонилась спиной к двери, переступила с ноги на ногу. Нет, это никуда не годится – стоять столбом невесть сколько. Надо бы сесть. Но не устраиваться же на полу под дверью, точно собаке? Я зажмурилась, вовсе не заметив, чтобы освещение изменилось, снова распахнула глаза, повертев головой по сторонам. Ждать, пока глаза привыкнут к темноте, бесполезно: чтобы видеть, нужен хоть какой-то свет, а здесь ему вовсе неоткуда взяться.

Если только я сама не добуду свет. Маг я или где? Правда, я до сих пор не чувствовала в себе ничего этакого волшебного, но если профессор говорит, что это нормально, и надо только прислушаться – значит, будем прислушиваться. Не догоню – хоть согреюсь. В смысле, если не получится – а скорее всего, действительно ничего не получится – скоротаю время.

Я отогнала мысль, что взрослому человеку глупо верить в чудеса: в конце концов одно чудо все же случилось. Вспомнила, как колебалось то, что я про себя назвала эфиром, когда Ханна приводила в порядок мою комнату и вещи. Темное пламя, что обволокло мое тело… Нет, пожалуй, это вспоминать не стоило, еще, не ровен час, снова зомби подниму, сама того не желая. Закрыла глаза, хотя в этом не было необходимости. Вгляделась. Прислушалась.

Какое-то время не происходило ничего, но делать все равно было нечего, и потому я не стала переживать по этому поводу или накручивать себя, что профессор наверняка счел меня разгильдяйкой и вышвырнет из университета, не дав объясниться. Просто стояла, прислонившись к двери, расслабившись, насколько это было возможно, чтобы не упасть, слушая свое дыхание, наблюдая за тем, как наливаются теплом и тяжестью кисти, что всегда бывает, если хорошенько расслабить мышцы рук, как это тепло поднимается выше.

И вдруг я увидела. Почувствовала. Он был везде – темно-фиолетовый туман, прозрачный, еле заметный, как дымка, что стелется на рассвете над травой. Едва уловимый – в помещении, чуть плотнее – вокруг моего тела, один плотный сгусток —метрах в трех от меня и еще один – метрах в пяти.

Я посмотрела на свою ладонь, облаченную в фиолетовый туман. Профессор прав: смерть – естественная часть мира. Она – везде. Везде, где есть жизнь. Ведь как ни парадоксально, без смерти не может быть жизни. Ежесекундно в нашем теле гибнут тысячи клеток, исчерпавших свой срок, чтобы дать место свеженародившимся. Клетка, потерявшая способность умереть, становится раковой, пожирая все вокруг себя.

Нет нужды в человеческих жертвах. Силу можно брать просто из воздуха. Я представила, как на ладони собирается шарик из тумана, мысленно покрутила его, уплотняя, словно снежок. Шар засветился, рассеивая тьму – не ярким желтым светом, как у профессора, он оставался холодным, лиловатым, тусклым, словно отслужившая свое люминесцентная лампа. Но все же его оказалось достаточно, чтобы я увидела пол у себя под ногами и стены вокруг. Едва не запрыгала от радости – и упустила. Темнота обрушилась, снова ослепив, а у меня заломило затылок, словно весь день просидела, склонившись над учебниками.

Я размяла загривок, потянулась, довольно улыбаясь. Получилось один раз, получится и второй. Расфокусировала взгляд, словно смотря в бесконечную даль, и снова увидела. В этот раз собрать туман в «снежок» оказалось проще. По-прежнему тусклый, по-прежнему удержи-

вать его было все равно, что нести мячик на ракетке для пинг-понга: чуть потеряешь равновесие, и покатится в сторону. Но все же у меня получилось!

Из темноты проступили стены, гладкие и блестящие. Я сдвинулась в сторону, тронула стену – в самом деле, очень похоже на кафель, только не плитка, а нечто цельное, без швов. Такой же потолок, в котором не было видно светильников. Действительно, зачем им светильники, если все вокруг маги.

В углу справа от меня обнаружился письменный стол, поставленный так, что сидящий за ним мог видеть дверь и весь подвал. На поверхности стола не было ничего, в ящики я не полезла, даже не стала проверять, заперты ли они. У противоположной стены стоял шкаф. Там, где мне поначалу привиделся туманный сгусток, оказался еще один стол, где под темной тканью лежало что-то, очень похожее на человеческое тело. Рядом со столом виднелась дверь, я подошла, толкнулась – заперто. Жаль, найти второй выход отсюда не получилось. Значит, возвращаемся к первоначальном плану: ждать, пока кто-нибудь появится.

Я уселась на столешницу, поболтала ногами. Держать свет становилось все сложнее, и я бросила его, поняв, наконец, что имел в виду профессор, требуя «отпустить силу». Темнота снова сгустилась, но сейчас она показалась мне какой-то… уютной, что ли. Она словно сулила отдых – непривычные умственные усилия утомили меня. Я посидела с закрытыми глазами, чувствуя, как наваливается дремота, пару раз клюнула носом, а потом, махнув на все рукой, свернулась калачиком на столе, подложила руку под голову и закрыла глаза. Смысл таращиться в темноту?

Я думала немного подремать и спрыгнуть со стола, едва услышу скрежет засова, но, похоже, я слишком мало спала сегодня, потому что, казалось, едва закрыла глаза, а в следующий миг над моей головой раздался голос профессора:

– Освободите мой стол, будьте любезны.

Я подлетела, отгоняя сонную одурь, зачем-то пригладила волосы, прежде чем посмотреть ему в лицо. А паршиво он выглядит, будто вовсе не спал. Синячищи под глазами, красные веки, прорезались складки у углов губ. И выражение лица не сулило ничего хорошего.

За спиной профессора маячила давешняя парочка: белобрысый скалился, коренастый смотрел на меня, пожалуй, задумчиво. Рядом с ними оказался еще один, рыжий и вихрастый. Этот таращился на меня словно на диковинного зверя из зоопарка.

– Прошу прощения, профессор.

Он склонил набок голову, глядя на меня сверху вниз.

– Пожалуй, спрашивать, почему вы не явились на теоретическую часть, уже излишне. Как вас угораздило закрыться?

Я поймала настороженный взгляд коренастбого, опустила глаза, почему-то не решаясь смотреть на Винсента.

– Это вышло случайно.

– Так же случайно, как… – Он осекся. – Как вчера на кладбище?

– Нет. Совершенно случайно. – Твердо произнесла я.

Надо будет – сама разберусь. В любом случае, начинать знакомство с жалобы – не лучшая идея.

Профессор хмыкнул, явно не веря.

– Что ж, оставим это. Я планировал представить вас коллегам-первокурсникам, но поскольку вы предпочли сидеть здесь вместо того, чтобы слушать теорию, познакомитесь позже сами. – Он обернулся, уставившись на коренастого, и с нажимом произнес: – Если уже не познакомились.

Глаза у профессора на затылке, что ли? Или мысли читать умеет? Коренастый выдержал его взгляд с таким честным и простодушным лицом, что я сама едва не поверила, будто все это вышло случайно.

– А теперь переходим к практике.

Глава 7

Профессор подошел к столу, на котором лежало тело, мы встали рядом. Не знаю, как так вышло, что все трое парней оказались у меня за спиной. Винсент отвернулся стянуть простыню с покойника.

– Возвращайся в хлев, из которого ты вылезла, девка, – прошипели мне на ухо. – Какой из тебя некромант?

Я оглянулась. Белобрысый. Шелковый камзол с золотыми позументами, перстни – если профессор свои килограммы золота носил с небрежным изяществом, то этот походил на сороку, дорвавшуюся до блестяшек. И выражение лица типичного мажора, уверенного, что весь мир готов расстелиться у его ног. Да уж, повезло мне с «коллегой».

Удостаивать его ответом я не стала, тем более что профессор уже разворачивался к нам.

– Инга, что именно вам не терпелось сообщить коллеге Якобу именно сейчас?

Я мысленно выругалась. Он что, из тех типов, которые считают, что когда он вещает, должно быть слышно, как муха летит?

– Ничего, профессор.

– Подойдите сюда.

Да что ж ты от меня никак не отвяжешься? Сколько еще будешь мстить за разбитый нос? Я и так знаю, что при желании ты меня отсюда выставишь с треском! Или хочешь, чтобы я сама психанула, наломала дров и хлопнула дверью? Не дождешься! В смысле, сама я не уйду. Сорваться могу. Внутри уже и так разгорается злость. Отвыкла я от подобного отношения.

Я шагнула вперед, зацепилась за что-то – подставили подножку – и едва не свалилась. В последний момент успела опереться о край стола. За спиной заржали в три голоса. Профессор обернулся, и гогот разом прекратился, точно выключили звук. Снова обратил внимание на меня. Ну как «внимание» – повернуться-то повернулся, но, кажется, сейчас его куда больше занимал один из собственных перстней, который он крутил на пальце, то снимая, то надевая обратно.

– Можете ли вы сказать, отчего умер этот человек?

Я оглядела покойного, отмечая про себя детали. Надо сосредоточиться на деталях, это поможет хоть немного успокоиться. А то скоро тут будет два… нет, три трупа.

– Не могу.

– Вот дура, – вполголоса фыркнул белобрысый. – На шее-то явно от петли следы.

– Очевидная причина вас не устраивает? – поднял бровь профессор. – Стражники согласны с коллегой Якобом.

Согласны в чем? В причине смерти или в том, что я дура?

– Нет, не устраивает. – Остатки выдержки с треском рассыпались, похоронив под собой здравый смысл. Не выделяться? Не привлекать к себе внимания? Да я уже привлекаю к себе больше внимания, чем новогодняя елка на параде девятого мая! – Лицо не посинело, вокруг следа от петли нет мелких кровоизлияний. Этого человека повесили после наступления смерти. Поэтому – нет, я не могу сказать, отчего он умер, несмотря на вроде бы очевидное свидетельство.

Возможно, и не смогу без микроскопа и лаборатории. Но об этом лучше и вовсе не упоминать. И без того я, кажется, обеспечила себе свидание с инквизицией. Да, белобрысый прав, я действительно дура. И на моем надгробном камне непременно напишут «довыделывалась».

Смыться, как только закончатся занятия, или рискнуть и продолжать утверждать, что я ничего не помню? Винсент, кажется, не выносит генерала-инквизитора, может, и не сдаст…

Профессор удовлетворенно кивнул, и я вдруг поняла, что он услышал ровно то, что намеревался услышать. Возможно, не дословно – но он явно ждал, что я снова брякну что-

то, не вписывающееся в образ девчонки из ремесленного квартала. Я-то, дура, надеялась, что он забыл мою вчерашнюю оговорку про объем циркулирующей крови, поверил, что я сама не помню, где могла подцепить подобные знания. А он не поверил. Не забыл. И сегодня с самого начала меня провоцировал. Не знаю, по его ли наущению коренастый закрыл меня здесь, но подначки белобрысого профессор не пресек намеренно и бензинчику плеснул в разгорающийся костер моей злости.

А я повелась, как девчонка малолетняя. Да еще и при свидетелях. Хотя я теперь и есть малолетняя девчонка, эмоции – это ведь биохимия прежде всего, и в молодом теле они гораздо ярче. Не говоря уж о том, что лобные доли мозга, отвечающие за самоконтроль, созревают лишь к двадцати пяти. Я это не учла, за что и придется скоро поплатиться. Нет, сбежать не получится, теперь он меня не выпустит, пока не вытрясет все, что захочет узнать. Вот ведь влипла! Сама себя утопила!

– Вот так вот, коллеги, – прервал профессор этот сеанс внутреннего самобичевания. – Вот это и отличает приличного некроманта – и целителя, к слову – от посредственности. Внимание к деталям и нежелание схватиться за лежащее на поверхности объяснение.

Так, если профессор и выпустит меня живой, то белобрысый точно уроет. Ладно, я подумаю об этом завтра. Если оно будет, это завтра.

– Начальник стражи тоже усомнился, что этот человек повесился сам, и попросил меня разобраться. Но для того, чтобы разобраться, нам нужно поднять его и расспросить. Чем мы сейчас и займемся.

Он серьезно? Получается, мне здесь и профессию менять не придется? Я с трудом удержала смешок. Если подумать, некромант может не только выяснить причину смерти, но и, скажем, установить подлинность завещания. Я снова мысленно хихикнула, подумав о том, что адвокаты по наследственным делам в этом мире явно сидят без работы.

Да уж, как все прозаично! Никаких тебе армий мертвецов, ведущих к власти злобного волшебника, никаких гекатомб человеческих жертв. Удел некроманта – разбираться в последствиях пьяных драк и семейных сварах.

– Итак, давайте кратко вспомним теорию, – сказал профессор. – Инга, советую законспектировать. Это то, что вы пропустили утром.

Я потянулась было к сумке, за тетрадью и самописке, и оборвала движение на середине. Писать-то я буду по-русски, а не местными крокозябрами! Если вообще смогу писать: пальцы же не натренированы! А читать? Как мне справляться с учебниками, я же, получается, и вовсе неграмотная!

– Не хотите? – не унимался профессор, снова крутя перстень, точно тот ему мешал. – Настолько полагаетесь на память?

Вот же пристал как банный лист!

– Мне приходится на нее полагаться, – сказала я, изо всех сил пытаясь казаться спокойной. – Я неграмотна.

Профессор приподнял бровь.

– Прошу прощения, об этом я не подумал.

Интересно, в самом деле не подумал или опять провоцирует? Не может же быть, что на его памяти дар не появлялся у какого-нибудь деревенского паренька?

Я мысленно охнула. Тетрадка на кладбище рядом с убиенным петухом! Получается, эта девица должна была как минимум уметь читать! Вот потому-то профессору и не пришло в голову… Неужели здесь додумались не только до бесплатного магического образования, но и до всеобщего среднего? И ведь не спросишь…

– Что ж, это обсудим позже, – продолжал профессор. – Как и то, к кому вам обратиться за уроками чтения и письма. Но мне придется попросить именно вас поднять мертвеца, чтобы вам было проще запомнить детали. Остальные смогут заглянуть в конспекты, вы – нет.

Да елки-палки, опять я впереди планеты всей! У белобрысого аж лицо покраснело от злости. Готова поспорить, завтра – если не уже сегодня – по университету поползут слухи, что мы с профессором спим. При этой мысли у меня самой запылали щеки, только, кажется, вовсе не от злости.

Я тряхнула головой, отгоняя неуместные мысли, отложила в сторону сумку.

– Я вас очень внимательно слушаю, профессор.

Объяснял он так, что и дурак бы понял. Раскладывал сложное на простые тезисы, из которых потом, словно из кирпичиков, собиралась «стена» представлений. Конечно, потом ее нужно было бы «штукатурить», «расписывать» или как-то иначе доводить до ума, но по крайней мере профессор сумел до меня донести, почему ритуал выстроен именно так, а не иначе. Собственноручно зарисовал мне в тетрадь нужные символы, рассказав, что означает каждый и к каким аспектам мироздания обращается. Мимоходом велел потренироваться в каллиграфии на досуге. Я – и каллиграфия, смешно. Почерк-то у меня типично врачебный. Был.

Да, писать это тело явно не умело. Казалось бы ерунда – взять в руки мелок, но пальцы отказались складываться как положено. Странно, кто же тогда переписывал ритуал в ту тетрадь? Хотя, может, девушка попросила кого-то, а то и вовсе потихоньку стащила чужие записи. Сейчас это, пожалуй, не имело значения. Но каллиграфией действительно придется заняться, надо же тренировать мелкую моторику.

Как бы то ни было, мне удалось совладать и с мелком, и с непонятными символами. Профессор извлек из воздуха фарфоровую курильницу, бросил туда кусочек, как мне показалось, канифоли, но когда над курильницей появился дымок, отчетливо запахло ладаном. И я чуть не расхохоталась, настолько неуместен был этот запах в подвале рядом с телом, окруженным «бесовскими», как сказали бы некоторые, символами. И выражение лица у меня, наверное, стало соответствующим, потому что профессор тут же пояснил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.